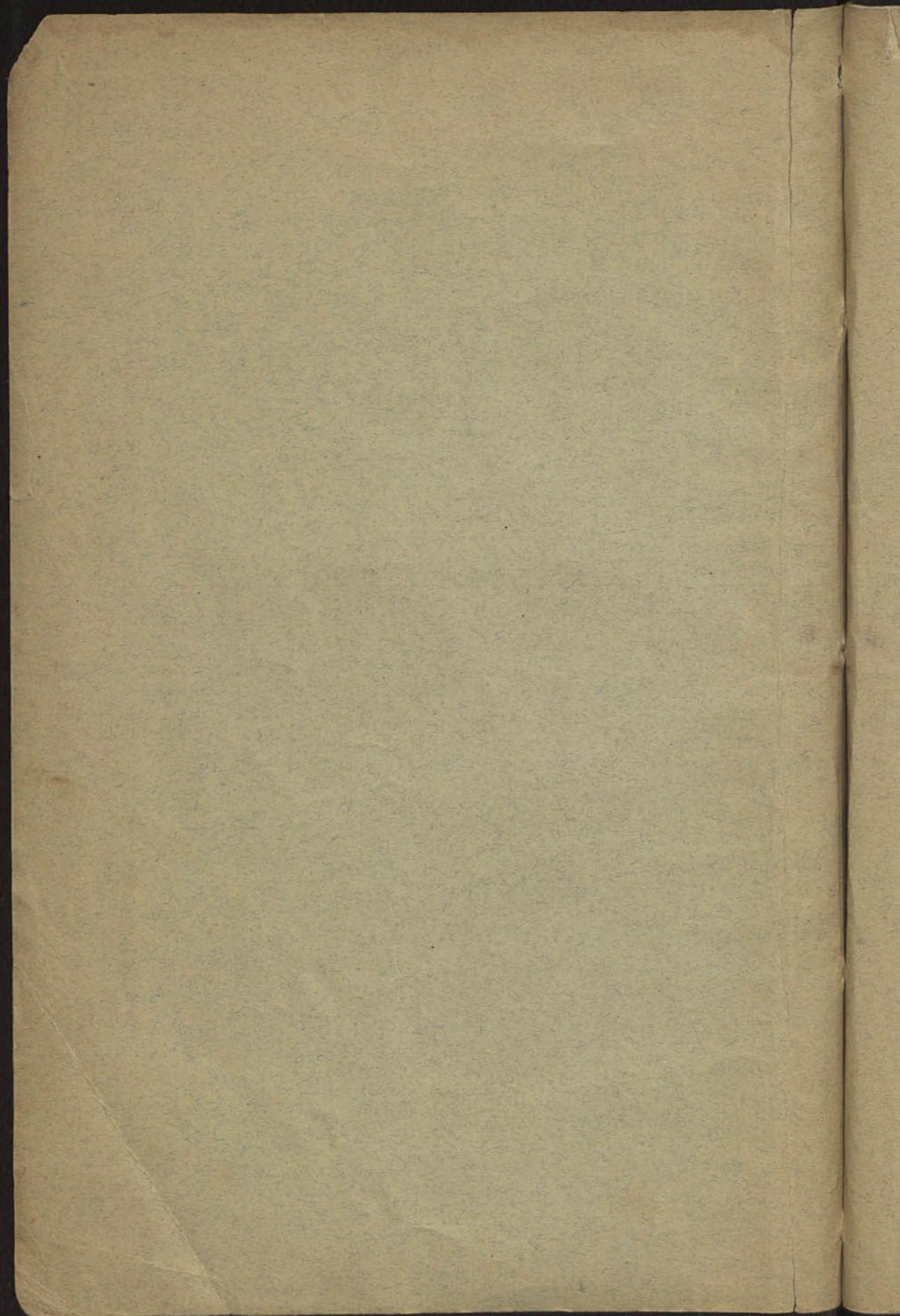

T.B.

78/110

08342

C. 2299

ас
16797

Новина Антон

75 140

БѢЛОРУССЫ.

BIBLIOTHEQUE RUSSE
TOURGUÉNEFF

9, Rue du Val-de-Grâce - Paris

Оттискъ изъ сборника «Формы національнаго движенія
въ современныхъ государствахъ».

BIBLIOTHEQUE RUSSE
TOURGUÉNEFF
9, Rue du Val-de-Grâce, 9

5522

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подълическая, № 39.
1909.

Р Р Д О Р А С С Р П

Отдел по делам - Формы национально-государственного
всесоюзного значения

ВЕРИТЕЛЬНО
ПОДПИСАНО
1950

Республика Беларусь
Областная
Книжная палата

BRT 3111

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUÉNEV
9, Rue du Val-de-Grâce — Paris

Перепись 1897 года насчитываетъ въ Россійской имперіи 5.885.547 бѣлоруссовъ. Однако, цифра эта врядъ ли можетъ считаться точной; различныя соображенія мѣстной политики, предвзятость, съ которой подходили къ собиранію данныхъ организаторы переписи, отсутствіе національнаго самосознанія среди широкихъ народныхъ массъ, — все это дѣлаетъ данныя о національномъ составѣ вообще, а въ частности о числѣ бѣлоруссовъ мало достоверными.

Болѣе довѣрія заслуживаютъ научныя изслѣдованія по этому вопросу, принадлежація проф. Карскому, который, руководясь лингвистическими особенностями бѣлоруссовъ, исчисляетъ ихъ количество въ Бѣлоруссіи цифрою свыше 8 милліоновъ.

По отдѣльнымъ губерніямъ бѣлоруссы распредѣляются слѣдующимъ образомъ. Въ *Виленской губерніи* бѣлоруссовъ 1.076.435 человекъ; они занимаютъ почти всю губернію, исключая уѣзды: Трокскій (населенный преимущественно литовцами), сѣверную часть Виленскаго и около одной трети Лидскаго и Свѣянцянскаго, гдѣ проходитъ этнографическая граница съ Литвой. Въ *Витебской губерніи* (въ Витебскомъ, Полоцкомъ, Городокскомъ, Велижскомъ, Дриссенскомъ, Лепельскомъ, Люцинскомъ и Невельскомъ уѣздахъ) живетъ 976.638 бѣлоруссовъ. Въ *Гродненской губерніи* ихъ 861.640 человекъ; живутъ въ большей части губерніи, сливаясь на югъ (въ Бѣльскомъ и Пружанскомъ уѣздахъ) съ украинцами, на западъ (въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ) съ поляками, а на сѣверѣ — на окраинѣ Гродненскаго уѣзда, сѣвернѣе Друскеникъ — съ литовцами. Въ *Минской губерніи*, не считая Пинскаго уѣзда и половины Мозырскаго (вслѣдствіе особенностей говора Карскій и Довнаръ-Запольскій относятъ эту часть губерніи къ Украинѣ), мы находимъ 1.755.069 бѣлоруссовъ. *Могилевскую губернію* они заселяютъ сплошь, достигая здѣсь цифры 1.650.069. Въ *Смоленской губерніи* почти цѣлая половина (восточная) занята сплошь великоруссами; однако, проф. Карскій все же считаетъ эту губернію бѣлорусской и опредѣляетъ число живущихъ здѣсь бѣлоруссовъ цифрою 947.826 человекъ.

Кромѣ этихъ шести губерній бѣлоруссы сплошной массой врѣзываются еще въ иноплеменное населеніе нѣкоторыхъ сосѣднихъ губерній. Такъ, въ

чисто литовской Ковенской губернии треть населенія Новоалександровскаго уѣзда составляютъ бѣлоруссы (около 60.000 чел.), въ Августовскомъ уѣздѣ Сувалкской губернии (по даннымъ 1888 г.) число бѣлоруссовъ достигаетъ 22.390 (возможно, что въ настоящее время эта цифра уменьшилась вслѣдствіе быстрой ассимиляціи), въ Илукстенскомъ уѣздѣ Курляндской губернии — 20.981 (по свѣдѣніямъ 1902 г.), наконецъ, въ Черниговской губернии численность бѣлоруссовъ достигаетъ 700.000 чел.; здѣсь почти весь Городнянскій, Новозыбковскій, Суражскій, Мглинскій и Стародубскій, а также часть Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда населены бѣлоруссами ¹⁾.

Бѣлоруссы дѣлятся въ настоящее время на двѣ неравныя вѣроисповѣдныя группы — православныхъ и католиковъ, причемъ численное отношеніе первыхъ ко вторымъ равно приблизительно 3:1 (установить съ точностью соответствующія цифры трудно, такъ какъ со времени объявленія закона о вѣротерпимости переходъ изъ православія въ католичество достигъ значительныхъ размѣровъ). Мы подчеркиваемъ этотъ религіозный дуализмъ потому, что послѣдствія его сказываются на всей культурной жизни бѣлорусскаго народа: бѣлоруссы-католики болѣе подвержены вліянію польской культуры (они употребляютъ также польскій алфавитъ), въ то время какъ бѣлоруссы-православные легче поддаются (велико) русскому культурному вліянію.

Но если въ послѣдніе вѣка въ жизни Бѣлоруссіи важную роль играютъ поляки и великороссы, то въ болѣе отдаленномъ прошломъ на судьбы бѣлоруссовъ оказала сильное вліяніе Литва.

Въ теченіе XII—XIV вѣковъ она подчинила себѣ всѣ западно-русскія области и объединила вокругъ себя всѣ западно-русскія племена, не подпавшія подъ вліяніе Москвы. Это вновь образовавшееся литовско-русское государство, лишь въ незначительной части населенное литовцами, не только не уничтожило самобытной культурной жизни подчиненныхъ племенъ, но наоборотъ всецѣло подчинилось ихъ культурному вліянію. Завоеватели переняли у завоеванныхъ языкъ, отчасти религію и т. д. При Ольгердѣ бѣлорусскій языкъ, общій объединеннымъ западнорусскимъ племенамъ, сталъ официально государственнымъ языкомъ Великаго Княжества Литовскаго и вошелъ во всеобщее употребленіе у культурныхъ слоевъ литовскаго народа; вплоть до временъ Стефана Баторія всѣ грамоты, всѣ государствен-

¹⁾ Проф. Карскій насчитываетъ еще до 200.000 бѣлоруссовъ въ слѣдующихъ трехъ великорусскихъ губерніяхъ: въ Брянскомъ и Трубчевскомъ уѣздахъ Орловской губ. бѣлоруссы составляютъ, по его словамъ, почти $\frac{1}{8}$ всего населенія (около 38.484); въ южныхъ частяхъ Великолуцкаго, Торопецкаго и Опочецкаго уѣздовъ Псковской губернии около 42.400. Затѣмъ въ Тверской губернии въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія было до 125.000 бѣлоруссовъ; однако, въ виду сильнаго поглощенія ихъ великорусской культурой эта цифра, вѣроятно, значительно уменьшилась.

ные акты составлялись въ литовскомъ государствѣ на бѣлорусскомъ языкѣ. Создалась печатная бѣлорусская литература довольно разнообразнаго содержания. Въ концѣ XV столѣтія на бѣлорусскомъ языкѣ былъ изданъ Статутъ Казимира Ягеллона; въ XVI-омъ — Статутъ Литовскій, исправлявшійся и переиздававшійся нѣсколько разъ, Трибуналъ Великаго Княжества Литовскаго и цѣлый рядъ другихъ изданій.

Множество бѣлорусскихъ литературныхъ памятниковъ оставили по себѣ религиозные диспуты между православными и католиками въ концѣ XVI и началѣ XVII в. ¹⁾

Однако, уже въ XVII вѣкѣ начинается упадокъ бѣлорусской общественности и культуры. Литература гложеть и мало-по-малу совершенно исчезаетъ. Бѣлорусскій языкъ вытѣсняется изъ государственной жизни и выходитъ изъ употребленія въ общественномъ и домашнемъ обиходѣ не только среди литовской, но и среди чисто бѣлорусской интеллигенціи. Его мѣсто занимаетъ польскій языкъ. То, чего не въ состояніи были сдѣлать въ свое время литовцы, сдѣлали теперь поляки. Польское владычество совершенно измѣнило общую картину Бѣлоруссіи и сообщило этому краю совершенно новый колоритъ, какъ въ культурномъ, такъ и въ соціально-политическомъ отношеніи.

Надо однако замѣтить, что во времена польскаго владычества бѣлоруссы все же не теряютъ своего національнаго своеобразія. Они продолжаютъ жить самобытною жизнью, сохраняя свои обычаи, вѣрованія и, что важнѣе всего, свою народную (устную) литературу и свой языкъ ²⁾.

Совершенно новую эру въ національной жизни бѣлоруссовъ открываетъ собою обрусительная политика русскаго правительства.

Въ 1839 году упраздняется унія, служившая крѣпкимъ оплотомъ бѣлорусской народности. Въ 1867 году воспрещается печатаніе бѣлорусскихъ произведеній, — въ особенности латинскимъ шрифтомъ. Въ то же время усиленныя репрессіи противъ поляковъ ведутъ къ тому, что они, борясь за сохраненіе своей національности въ такъ-называемомъ Сѣверо-западномъ краѣ,

¹⁾ Между прочимъ сохранился богатый матеріалъ и въ частныхъ письмахъ, старинныхъ инвентаряхъ и прочихъ документахъ, писанныхъ по-бѣлорусски. Дошли до насъ даже образцы бѣлорусскаго ораторскаго краснорѣчія, напр. рѣчь Ивана Мелешки, смоленскаго каштеляна, произнесенная имъ на сеймѣ въ Варшавѣ въ присутствіи короля.

²⁾ О развитіи бѣлорусскаго языка даетъ нѣкоторое представленіе бѣлорусскій словарь Ив. Носовича, изданный въ 1870 г. Академіей Наукъ и содержащій въ себѣ свыше 30 тысячъ словъ. Карскій находитъ, однако, что въ числѣ этихъ 30 тыс. отсутствуютъ еще весьма многія бѣлорусскія слова, не говоря уже о словахъ общихъ бѣлорусскому нарѣчію съ великорусскимъ и малорусскимъ. См. также труды Романова, Штейна, Федоровскаго и др. Библиографіи у проф. Карскаго: „Бѣлоруссы“ (Варшава, 1903 г.).

дѣлають всевозможныя усилія для увеличенія мѣстнаго польскаго элемента и тратять немало силъ и энергій на ополяченіе бѣлорускаго населенія. Польская культура, оказывавшая и прежде немалое вліяніе на бѣлоруссовъ совершенно независимо отъ политическихъ соображеній, становится теперь орудіемъ политической борьбы. И пока поляки укрѣпляли свое вліяніе на католическую часть бѣлоруссовъ, русификаторы овладѣли всеми сколько-нибудь интеллигентными силами изъ среды православнаго населенія. Къ тому же русскій элементъ получалъ еще специальное подкрѣпленіе въ лицѣ множества чиновниковъ, присланныхъ изъ коренной Россіи и постепенно пропитывавшихъ казеннымъ патріотизмомъ сверху до низу всю мѣстную жизнь.

Такова была политическая и культурная обстановка, въ которой протекала до послѣдняго времени жизнь бѣлоруссовъ. Еще тягостнѣе экономическое положеніе края — въ значительной мѣрѣ результатъ тѣхъ же ненормальныхъ политическихъ условій.

Въ то время какъ большинство бѣлоруссовъ занимается земледѣліемъ (76% населенія), имъ принадлежитъ всего 47% земли, и у значительной части бѣлорусскихъ крестьянъ земли не хватаетъ даже для прокормленія семьи. А отсутствіе денежныхъ средствъ и дороговизна кредита (меліоративнаго кредита здѣсь нѣтъ; земство, которое могло бы въ этомъ направленіи оказать извѣстное вліяніе, въ трехъ губерніяхъ „упрощено“, въ двухъ — совершенно отсутствуетъ) еще болѣе обостряетъ экономическое положеніе крестьянства, тѣмъ болѣе, что земля, послѣ запрещенія покупать ее лицамъ польскаго происхожденія (1863 г.), долгое время была совершенно изъята изъ обращенія. Правда, надѣленіе крестьянъ землею происходило въ Бѣлоруссіи при благопріятныхъ для нихъ условіяхъ, такъ какъ правительство, желая повидимому опереться на крестьянство въ своей борьбѣ съ поляками, взяло его подъ свое покровительство (тогда какъ надѣлы помѣщичьихъ крестьянъ въ центральныхъ губерніяхъ колеблются между 2,2 и 2,9 десятинъ на душу, они въ Бѣлоруссіи варьируютъ между 3,6 и 5,1 десятинъ у помѣщичьихъ крестьянъ и между 5,6 и 6,6 десятинъ — у государственныхъ). Однако, способъ надѣленія и здѣсь отличался тѣми же недостатками, что и во всей остальной Россіи, и сдѣлалъ правильное развитіе крестьянскаго хозяйства невозможнымъ ¹⁾.

¹⁾ Впрочемъ, несмотря на неблагопріятныя условія, въ крестьянскомъ хозяйствѣ сѣверо-западнаго края можно отмѣтить нѣкоторый прогрессъ, или, по крайней мѣрѣ, тенденцію къ прогрессу. Господствующая трехпольная система мѣстами смѣняется четырехпольной; примитивныя орудія понемногу вытѣсняются болѣе усовершенствованными; нерѣдко встрѣчается и искусственное удобреніе. Стремленіе къ пе-

Въ очень жалкомъ состояніи находится также и мѣстная промышленность. Кустарное производство служитъ существеннымъ подспорьемъ населенію лишь въ очень немногихъ мѣстахъ. Фабрично-заводская промышленность, производящая ежегодно во всемъ краѣ на незначительную сумму въ 70—80 милліоновъ рублей, не въ состояніи занять и десятка тысячъ рабочихъ. Къ тому же своеобразныя политическія условія поставили Бѣлоруссію въ своего рода автономное положеніе весьма своеобразнаго свойства: мы имѣемъ въ виду хотя бы тѣ повышенные тарифы, которые установлены для экспорта нѣкоторыхъ товаровъ изъ Бѣлоруссіи, въ то время какъ тарифы для импорта тѣхъ же товаровъ изъ Россіи понижены ¹⁾.

Забитость и апатія — вотъ продуктъ историческихъ, политическихъ и экономическихъ условій, въ которыхъ складывалась жизнь бѣлоруссовъ. Неудивительно, что о національномъ самосознаніи долгое время здѣсь не приходилось и говорить: лишенный правъ, приниженный и оскорбляемый бѣлорусъ сталъ самъ смотрѣть на себя, какъ на низшее существо, сталъ самъ стыдиться всего, что отличало его отъ „пановъ“, сталъ презирать свой родной языкъ и отречься отъ него. И если бѣлорусская народная масса и сохранила свой языкъ и свои бытовыя особенности, то все же для ея эмансипаціи и національнаго возрожденія нуженъ былъ сильный толчокъ извнѣ. И такой толчекъ былъ данъ лишь начавшимся въ послѣдніе годы во всей Россіи освободительнымъ движеніемъ.

Необходимо отмѣтить, что спорадическія попытки возстановить бѣло-

реходу къ хуторскому хозяйству въ Бѣлоруссіи и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ проявляется сильнѣе, чѣмъ въ остальной Россіи. Въ то же время среди помѣщичьихъ хозяйствъ часто встрѣчаются образцовыя, поставленныя на капиталистическихъ основахъ. Въ относительномъ (по сравненію съ большей частью Россіи) прогрессѣ селскаго хозяйства у бѣлоруссовъ сильно сказывается близость границы, культурное вліяніе Запада, шедшее черезъ Польшу, и торговыя сношенія съ Европой, установившіяся еще нѣсколько вѣковъ тому назадъ, благодаря удобнымъ путямъ сообщенія (напримѣръ по рѣкамъ Нѣману и Западной Двинѣ). На укрѣпленіе и развитіе торговли съ границей оказала свое вліяніе и хорошо организованная внутренняя торговля. Послѣдняя сосредоточивается не только въ немногочисленныхъ большихъ городахъ, но производится, что особенно важно, въ массѣ мелкихъ мѣстечекъ, населенныхъ преимущественно евреями, играющими, какъ извѣстно, чрезвычайно видную роль въ мѣстной торговлѣ; и такимъ образомъ, сельское населеніе имѣетъ возможность на мѣстныхъ рынкахъ сбывать все, что только даетъ сельское хозяйство равно, какъ и получать нужные ему продукты, что понятно, имѣетъ огромное значеніе для крестьянскаго хозяйства.

¹⁾ Промышленность Бѣлоруссіи тѣсно связана съ промышленностью Литвы страдающей отъ тѣхъ же причинъ; и заслуживаетъ вниманія, что въ лицѣ различныхъ синдикатовъ и союзовъ промышленники стремятся объединить здѣсь производство всего Сѣверо-западнаго края. Таковы союзы пивоваровъ, кожевниковъ, спичечный синдикатъ, союзъ лѣсопромышленниковъ и т. п.

русскую письменность, заглохшую много лѣтъ тому назадъ, имѣли мѣсто въ теченіе всего прошлаго столѣтія. Въ концѣ XVIII вѣка появилось на бѣлорусскомъ языкѣ первое послѣ долгой спячки бѣлоруссовъ, художественное произведеніе, написанное на ихъ родномъ языкѣ—„Энеида наизнанку“, написанная въ подражаніе „Энеидѣ“ Котляревскаго. XIX вѣкъ даетъ цѣлый рядъ художественныхъ бѣлорусскихъ произведеній (перечень ихъ можно найти у Карскаго—„Бѣлоруссы“); одни изъ нихъ являются передѣлками или подражаніемъ произведеніямъ народной поэзіи, другія — носятъ дидактической характеръ, третьи—религіозный и политическій. Къ послѣднимъ относятся прокламаціи объ Уніи и о польскомъ возстаніи 1863 года, изданныя революціонерами, равно какъ и антипольскіе листки, издававшіеся русскимъ правительствомъ.

Характерно отношеніе къ бѣлорусскому языку авторовъ бѣлорусскихъ произведеній въ различныя эпохи. Въ XVI в. Скорина, Будный, Ходкевичъ, Тяпинскій и др. печатали свои труды по-бѣлорусски ради „вырозумѣнія простыхъ людей“ (Гр. Ходкевичъ—предисловіе къ Учит. Еванг. 1569 г.). Но уже въ концѣ XVIII и въ XIX вѣкѣ бѣлорусскіе писатели смотрятъ на родной языкъ иначе: въ ихъ глазахъ это не только средство для достиженія практическихъ цѣлей, но уже въ извѣстномъ смыслѣ и самоцѣль. Стремленіе къ возрожденію бѣлорусскаго языка ясно выражено также въ предисловіи къ сборнику стихотвореній Мацея Бурачка (Ф. Богусевича) „Dudka bielaruskaja“¹⁾.

Творенія бѣлорусскихъ поэтовъ и писателей прошлаго вѣка не смогли, однако, дать толчокъ развивающемуся на нашихъ глазахъ бѣлорусскому національному движенію. Политически неосвѣдомленныя, забитыя народныя массы, къ которымъ лишь въ очень скудномъ количествѣ проникала бѣлорусская литература, не могли быть выбиты изъ своей спячки силой одного отвлеченнаго лозунга. Зачатки бѣлорусскаго движенія носили характеръ болѣе спорадическій и отличались полной неорганизованностью. Лишь въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка было положено начало первой, весьма ничтожной организаціи. Это былъ кружокъ учащейся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ города Минска молодежи, къ которому примыкали и нѣкоторые по-

¹⁾ „Абъ нашай бацькавай спрадвечнай мове—говоритъ авторъ,—какую мы сами, да и не адны мы, а усе людзе цѣмныя „музыцкай“ завуць, а завецца яна „Беларускай“... Мова наша ёсць такая-ж людзкая и панская, якъ и французская, альбо нямецкая, альбо и иншая якая... Яно добра, а наватъ трэба знаць суседзкую мову але найперш трэба знаць сваю... Шмат было такіхъ народау, што найперш страцілі мову сваю,... а потым і сусім замёрлі. Не пакідайце-ж мовы нашай беларускай, каб не умёрлі. Пазнаюць людзей па адзежы, хто якую носиць,... язык і ёсць адзежа душы“

сторонніе элементы. Цѣлью кружка было изученіе Бѣлоруссїи и бѣлоруссовъ, собраніе народныхъ произведеній, изданіе современныхъ художественныхъ произведеній, а также разработка бѣлорусскаго національнаго вопроса. Кружокъ былъ проникнутъ чисто демократическими идеями, и въ его средѣ вскорѣ стала выдвигаться мысль о томъ, что эмансипація бѣлорусса, какъ чловѣка и гражданина, неразрывно связана съ эмансипаціей бѣлорусской національности. Эта мысль легла въ основу всего бѣлорусскаго движенія. Нѣсколько энергичныхъ членовъ этого кружка попали въ Петербургъ въ высшія учебныя заведенія и тотчасъ же приступили къ организаціи бѣлорусской молодежи. На ихъ призывъ откликнулось нѣсколько десятковъ уроженцевъ Бѣлоруссїи, которыхъ объединяло общее желаніе поднять бѣлорусскую культуру, развивать бѣлорусскій языкъ и добиваться признанія за этимъ языкомъ правъ гражданства, какъ въ общественной жизни, такъ и въ школь. Для пропаганды бѣлорусскихъ идей въ 1902 году было основано въ Петербургѣ „Общество бѣлорусскаго народнаго просвѣщенія“¹⁾. И въ то время, какъ это общество работало надъ національнымъ возрожденіемъ бѣлоруссовъ, оставаясь въ рамкахъ чисто культурной дѣятельности, въ его средѣ намѣтилось иное направленіе, ставившее культурныя задачи въ тѣсную связь съ политической самодѣятельностью и экономической борьбой. Зимой 1902 — 3 г. эта радикальная группа, къ которой примкнулъ рядъ отдѣльныхъ лицъ въ провинціи, положила основаніе первой бѣлорусской политической организаціи, подъ названіемъ „Белорусская революціонная громада“, ставившей себѣ цѣлью борьбу за политическое и экономическое освобожденіе и призывавшей вмѣстѣ съ тѣмъ бѣлорусскую интеллигенцію къ культурной работѣ для развитія и поддержанія бѣлорусской національности. По своимъ политическимъ взглядамъ она приближалась къ народникамъ.

Въ концѣ 1903 года „Белорусская революціонная громада“ переименовалась въ „Белорусскую социалистичную громаду“, съ ярко выраженной социалистической программой, содержащей между прочимъ и требованіе для Бѣлоруссїи возможно болѣе широкой самостоятельности. Отмѣтимъ, что бѣлорусскій языкъ, на которомъ въ этотъ періодъ издается различная нелегальная литература, является пока лишь служебнымъ орудіемъ для распространенія въ народѣ демократическихъ идей.

Въ 1904—5 годахъ, на ряду съ прочими вопросами, выдвинутыми на очередь дня, поднимается и вопросъ о самоуправленіи для бѣлорусскаго

¹⁾ Въ 1903—4 г. вышли въ свѣтъ два первыхъ изданія Общества: „Колядная Чытанка“ и „Великодная Чытанка“—небольшіе литературные сборники новѣйшихъ произведеній на бѣлорусскомъ языкѣ.

края. Этотъ вопросъ горячо обсуждается на сѣздахъ интеллигентовъ въ Вильнѣ, на которыхъ встрѣчаемъ представителей всѣхъ національностей, населяющихъ Сѣверо-западный край. Поднимался онъ и въ союзъ автономистовъ-федералистовъ, въ которомъ принимали участіе и представители отъ бѣлоруссовъ. Въ Минскѣ онъ вызвалъ къ жизни особую организацію — кружокъ автономистовъ, занявшійся разработкой проекта автономіи Бѣлоруссіи и опредѣленіемъ круга функций мѣстнаго сейма и отношенія его ко все-россійскому парламенту. Мѣстомъ сейма предполагалось Вильно, что вызвало, между прочимъ, горячіе споры съ литовцами, не желавшими общей автономіи для всего сѣверо-западнаго края. Требованіе автономіи для Бѣлоруссіи находимъ мы и въ программѣ Белорусской социалистичной громады, принятой вторымъ партійнымъ сѣздомъ въ самомъ началѣ 1906 года. Программа эта заключаетъ въ себѣ еще два небезынтересныхъ пункта, относящихся къ области національныхъ требованій: культурно-національная автономія (пропорціональный культурный бюджетъ) для всѣхъ мѣстныхъ народностей и націонализація школы.

За два года сильнѣйшаго революціоннаго подъема особеннаго развитія достигла также и бѣлорусская революціонная поэзія. Вся эта литература, брошенная въ народъ въ благопріятный моментъ, не могла не оказать сильнаго вліянія на народную психику. Въмѣстѣ съ пробужденіемъ гражданскаго достоинства, какъ логическое послѣдствіе его, въ забытыхъ бѣлоруссахъ стало пробуждаться и національное чувство. То тутъ, то тамъ, въ періодъ повсемѣстныхъ митинговъ, раздаются не только на крестьянскихъ сходахъ, но уже и на собраніяхъ рабочихъ бѣлорусскія рѣчи. Кромѣ партійныхъ ораторовъ говорятъ съ трибуны по-бѣлорусски ораторы-самородки, не имѣвшіе ранѣе никакого контакта съ политическими организаціями. На митингахъ въ Вильнѣ, Нововилейскѣ и другихъ мѣстахъ цѣлыя группы рабочихъ, послѣ рѣчей бѣлорусскихъ ораторовъ, объявляли себя бѣлоруссами и выражали желаніе присоединиться къ бѣлорусской партіи. При Белорусской социалистичной громадѣ въ Минскѣ основывается особая рабочая организація; тамъ же, позднѣе, образовался союзъ мелкихъ чиншевиковъ и арендаторовъ, носившій бѣлорусскій національный оттѣнокъ. Съ другой стороны, по инициативѣ возникшаго въ до-думскій періодъ „Бѣлорусскаго крестьянскаго союза“, въ первую государственную думу посылаются крестьянскіе приговоры и наказы, въ которыхъ, между прочимъ, заключаются требованія автономіи Бѣлоруссіи съ сеймомъ въ Вильнѣ и національной бѣлорусской школы.

Вмѣстѣ съ ростомъ бѣлорусскаго національнаго движенія въ немъ замѣчается нѣкоторая дифференціація, ведущая къ обособленію двухъ теченій: культурническаго и революціоннаго — тѣхъ же теченій, впрочемъ, которыя

существовали и въ до-революціонное время, но въ рѣшительный моментъ политическаго подъема, слились въ одно русло. Явленіе это стало сказываться уже во время первой думы, и съ тѣхъ поръ, по мѣрѣ пониженія революціонной волны, культурническое теченіе крѣпнеть и выдвигается на первый планъ. Произошло это, однако, далеко не сразу.

Революціонное теченіе еще долго занимаетъ видное мѣсто, постепенно расширяя даже свою дѣятельность. Разростающееся движеніе достигло той точки, когда нелегальные листки, политическія брошюры и сборники стихотвореній оказались не въ силахъ удовлетворять его запросы. Чувствовалась необходимость созданія бѣлорусской легальной періодической прессы, безъ которой все движеніе могло бы заглохнуть. И вотъ, въ первыхъ числахъ сентября 1906 года въ Вильнѣ выходитъ въ свѣтъ первый номеръ легальной еженедѣльной газеты „Наша Доля“ на бѣлорусскомъ языкѣ. Чтобы удовлетворить и католиковъ и православныхъ, „Наша Доля“ печаталась сразу двумя отдѣльными изданіями: русскимъ и латинскимъ шрифтомъ. Успѣхъ газеты былъ чрезвычайно великъ, но существованіе ея было непродолжительно: послѣ неоднократныхъ конфискацій она на шестомъ номерѣ прекратила свое существованіе. Газета эта явилась послѣднимъ проявленіемъ яркаго революціонизма, если не считать еще двухъ небольшихъ политическихъ брошюръ, вышедшихъ уже послѣ ея закрытія.

Культурническое теченіе, между тѣмъ, крѣпнеть и расширяется. Вопросъ о націонализациі школы становится злободневнымъ, и идея введенія въ школахъ бѣлорусскаго языка ждетъ немедленной реализациі. Является потребность въ учебникахъ; для удовлетворенія ея въ Петербургѣ основывается бѣлорусское издательское товарищество (выдауніцкая суполка „Загляне сонца / и у нашэ ваконца“). Въ 1906 г. оно издаетъ „Беларускі лемэнтар“ (букварь) и „Першае чытаньне“—книжку для первоначальнаго чтенія. Каждая книжка выходитъ двумя изданіями—русскимъ и латинскимъ шрифтомъ (въ послѣднемъ введены чешскія сокращенія: *č* вмѣсто *sz*, *š* вмѣсто *sz*). Въ слѣдующемъ году появляется третья книжка для школы: „Гутарки аб неби и зямлі“, изданная лишь русскимъ шрифтомъ. Кромѣ школьныхъ пособій „Суполка“ приступила къ печатанію произведеній бѣлорусскихъ „песняроу“. Кромѣ того въ 1907 г. въ Минскѣ учреждается второе издательское товарищество „Минчукъ“.

Главной выразительницей идеи національнаго возрожденія бѣлоруссовъ становится „Наша Нива“—бѣлорусскій еженедѣльникъ, издающійся съ ноября 1906 г. въ Вильнѣ (латинскимъ и русскимъ шрифтомъ). Шагъ за шагомъ, расширяя кругъ читателей, преимущественно деревенскихъ и мѣстечковыхъ, „Наша Нива“ проникаетъ въ самые глухіе углы Бѣлоруссіи. Подъ ея влияніемъ начался между прочимъ замѣтный поворотъ во взглядахъ народ-

ныхъ учителей на введеніе „простого“ языка въ школу. Въ маѣ 1907 г. состоялся съѣздъ бѣлорусскихъ учителей, приведшій къ организаціи „Бѣлорусскаго учительскаго союза“, въ программѣ котораго мы встрѣчаемъ требованіе первоначальнаго обученія дѣтей на родномъ бѣлорусскомъ языкѣ, а для подготовки учителей — изученія мѣстныхъ языковъ въ учительскихъ семинаріяхъ. Вслѣдъ за этимъ образовалась „Беларуская національная хэура“ — союзъ учащихся въ Глуховскомъ учительскомъ институтѣ (въ Черниговской губ.), который также ставитъ своей цѣлью націонализацію школы.

Идея національной школы мѣстами уже реализуется. Намъ извѣстенъ рядъ школъ, — конечно частныхъ, — гдѣ обученіе дѣтей ведется по-бѣлорусски (въ Могилевской, Минской и Виленской губ.). Спросъ на учителей для такихъ школъ растетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ среди нѣкоторой части бѣлоруссовъ возникъ вопросъ о созданіи національной церкви, которая уничтожила бы антагонизмъ, нынѣ искусственно раздуваемый, между католиками и православными бѣлоруссами. Мысль инициаторовъ естественно обратилась къ уни — старой вѣрѣ бѣлоруссовъ. Однако, до настоящаго времени для возстановленія ея почти ничего реальнаго не сдѣлано. Не сдѣлано ничего и для введенія бѣлорусскаго языка въ католической церкви: слишкомъ сильна оппозиція духовенства.

Таковъ путь, таковы формы національнаго движенія у бѣлоруссовъ. Каковы будутъ конечные результаты его — предугадать трудно: здѣсь придется учитывать, во-первыхъ, совершенно неизбѣжное и естественное вліяніе двухъ великихъ сосѣднихъ цивилизацій, а во-вторыхъ, — искусственную русификацію и полонизацію, о которыхъ уже говорилось выше; въ какой мѣрѣ бѣлорусскому движенію суждено будетъ парализовать силу обоихъ этихъ факторовъ, трудно сказать.

Интересно отмѣтить отношеніе къ бѣлорусскому національному движенію со стороны русскихъ и польскихъ консервативныхъ круговъ. Д-ръ І. Святицкій характеризуетъ это отношеніе слѣдующимъ образомъ: „если лозунги русской консервативной группы можно свести къ формулѣ официальнаго патріотизма — самодержавіе, православіе и народность, съ соответствующими дополненіями, вродѣ «кто не признаетъ этой формулы, — бунтовщикъ и измѣнникъ», «бѣлоруссы могутъ быть только православными», «злѣйшіе враги бѣлоруссовъ — поляки и евреи», «бѣлоруссы не должны создавать своей особой литературы — русская ихъ вполне удовлетворяетъ», — то польская шовинистическая группа внесла въ приведенную формулу лишь незначительныя измѣненія: вмѣсто самодержавія она поставила

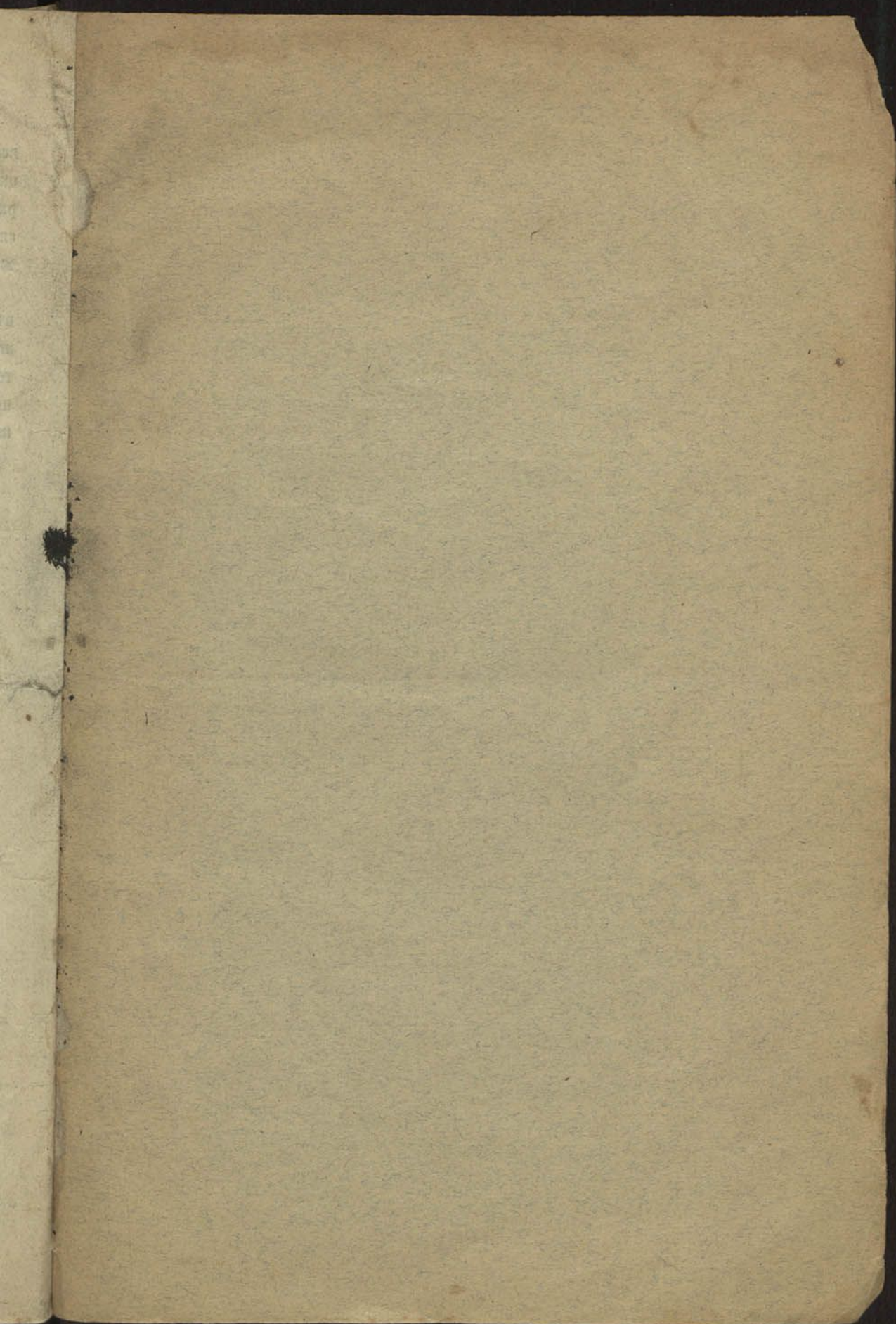
всепольскую идею, вмѣсто православія—католицизмъ; врагами бѣлоруссовъ оказываются великоруссы; бѣлоруссы должны удовлетворяться польскою литературой и т. д.“ И въ то время, какъ польскіе консерваторы въ бѣлорусскомъ движеніи видятъ антипольскую интригу, обрусители считаютъ все движеніе интригой польскихъ ксендзовъ и пановъ.

Но если при враждебномъ отношеніи со стороны наиболѣе вліятельныхъ въ культурномъ смыслѣ народностей бѣлорусское національное движеніе все же крѣпнеть и развивается, если особые циркуляры и всякаго рода правительственныя мѣропріятія не въ состояніи задержать его ростъ, то это несомнѣнно доказываетъ значительную силу движенія и жизненность бѣлорусской національности.

Антонъ Новина.

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUÉNEV
9, Rue du Val-de-Grâce = Paris

M

30.000

